

Никита Петров
«Героические» деньги
русского эпоса

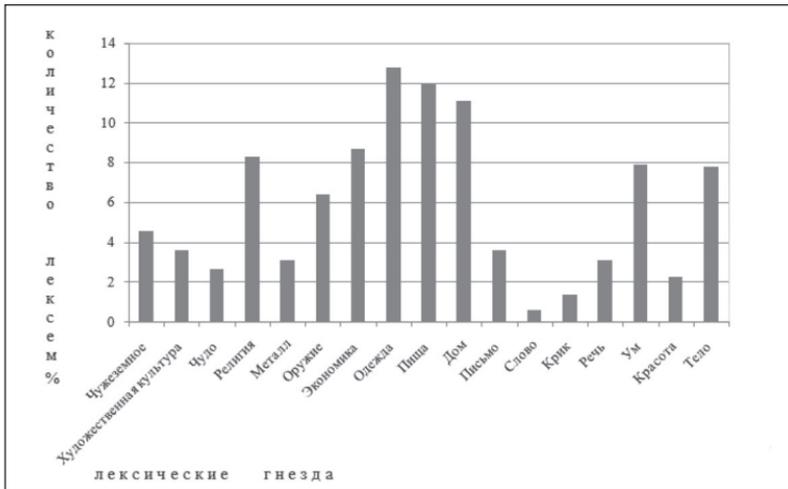
Былины — русские эпические песни — представляют собой достаточно однородный корпус текстов, претендующих на отображение хронологически отдаленной исторической реальности, записанных преимущественно на Русском Севере в XVIII—XIX веках.

Содержание былин и время их записи неоднократно побуждали исследователей дискутировать о происхождении русского эпоса: создавался ли этот жанр в городском пространстве средневекового города или же это продукт творчества «социальных низов» — крестьян?

Напрямую проводить параллели между реальными экономическими отношениями русского Средневековья и их отображением в былинах некорректно, однако уместно говорить, во-первых, о том, как организуется экономическое пространство русского эпоса и насколько это совпадает с экономическими терминами, используемыми в письменных источниках — летописях и торговых договорах; и, во-вторых, какие представления об экономических отношениях существуют у носителей эпического жанра.

Если представить распределение слов в былине¹ по различным языковым кластерам в виде диаграммы, то получим следующие результаты²:

График 1. Соотношение лексических гнезд лексики кластера «Мир человека» в былинах

Мы видим, что в былине (по сравнению с другими лексическими гнездами, такими как «дом», «пища», «оружие», «металл» и др., относящимися к категории «мир человека») «экономика» находится на четвертом месте после кластеров «одеж-

¹ Данные приводятся по «Словнику „Онежских былин“, собранных А. Ф. Гильфердингом», составленному исследователями курской школы лингвофольклористики (Бобунова, Хроленко 2006).

² Составители указанного выше конкорданса выделяют три категории: «Мир природы», «Мир человека», «Характеристики мира». Интересно отметить, что лексемы группы «Мир человека» составляют 65,33% от общего числа лексем. Соответственно, лексика группы «Мир природы» составляет 19,35%, а группы «Характеристики мира» — 15,32%. Это показывает доминирование интереса к социальным отношениям и быту в былине над описанием мира, в конечном счете эпической «антропологии» над «космологией».

да», «пища», «дом». И если популярность бытовых деталей и предметов первой необходимости понятна, то высокая доля слов кластера «экономика» в былинном тексте говорит о том, что торгово-экономические отношения в жанровом пространстве русского эпоса — неотделимая часть самого жанра.

В отличие от мифологических рассказов, где деньги и денежные отношения связаны с представлениями об «ином» мире, эпос с его денежной лексикой³ ориентирован, с одной стороны, на воспроизведение реальных товарно-денежных отношений, существующих в среде носителей этого жанра — крестьян — и, с другой стороны, на моделирование экономической ситуации идеального прошлого (князь расплачивается с дружиной; наделы, получаемые героем в награду).

Богатые герои былин

Изображение денег и богатства в былинах прежде всего необходимо для выделения героя из ряда других персонажей. Это своего рода экономический знак, указывающий на героизм эпического богатыря. Богатство героя находится в отношениях дополнительной дистрибуции с физическим превосходством богатыря над врагом, а в некоторых случаях оказывается заменой физической мощи.

³ Здесь приводится сокращенный список слов, входящих в кластер «экономика» (Бобунова, Хроленко 2006): *барыш, бедный, беспошлинно, безденежно, богатство, богатый, выкупить, гость (иноземный купец), гривна, грош, дань, дарить, денежка, деньги, дешевый, должник, дорогой (стоящий больших денег), драгоценный, жалованье, задолжать, заклад (спор на деньги), залог, имущество, казна, копейка, копить, купец, купить, лавка (небольшой магазин), монета, нажиться (получить большую прибыль), обценивать (оценивать), описывать (описывать имущество), оценить, повенчальное (плата за венчание), подороже, покупать, полтина (50 копеек), получка (оброк), постригальное (плата за постригание), посуконное (пошлина за ввоз сукна), пошлина, приказчик (распорядитель имущества), продажа, промотать, пятак, расчет, рубль, сумма, товар, торг, торжище, цена, ярмонка (ярмарка).*

Если герой былины не обладает физической силой (является иностранным купцом, «торговым гостем»), то в этих случаях мы видим детальное описание его богатой одежды и богатства, хранящегося у него на родине.

Один из таких заезжих богатырей — Дюк Степанович, явившись к князю Владимиру на пир, хвастается своим роскошным житем:

*У нас было во Индеи во богатьи
А стоят у нас полаты белокаменны,
Что ли столбики у нас да там точеныи,
Крышки там у нас да золоченыи.* (Гильфердинг 1949: 203)

Чурила Пленкович, живущий в Киеве, вызывает Дюка побиться об заклад: богатыри должны в течение трех лет носить каждый день новую одежду, показывая свое богатство⁴:

*У того же Чурила блада⁵ Пленкова
Ценили кунью шубу в петьсот рублей,
У того же Дюка сына Степанова
Тоже ценили во пятьсот рублей.
Надел-то Дюк да сын Степановиць
На себя да он кунью шубу.
Было у Дюка на шубы три пуговки,
Провел-то Дюк да сын Степановиць
По пуговкам своей да правой руценькой —
Запели эти пуговки разным голосом.
Ценили эти пуговки:
Двум пуговкам цену дали,
А третьей не могли и цены дать.* (Еремина и др. 2001: 604—605)

Заезжий герой — Дюк Степанович — выигрывает спор. Затем послы князя Владимира отправляются в Индею, чтобы описать Дюково богатство, и роскошь, которую они находят (*вся*

⁴ Затем герои устраивают конные скачки, в которых побеждает приездный герой Дюк.

⁵ *Блада* — молодого.

Индея стоит в золоте), оказывается настолько поражающей воображение, что не хватает бумаги, чтобы записать все имущество Дюка.

Детальное описание богатой одежды персонажа и его имущества направлено на акцентирование главной роли этого персонажа в конкретном сюжете. И если в основе былины лежит не героическая акция персонажа (подвиг, поездка), а статическое описание, то в этом случае основными становятся характеристики героя через описание богатой одежды, украшений героя и его коня, а также вооружения: богатство Дюка Степановича, чудесный и богато украшенный конь Ивана Гостиного сына, богато украшенный корабль Соловья Будимировича, щегольство Чурилы Пленковича:

*Не сибирьско соболя — заморского;
Да пуговки у его были — вальячнья⁶:
Того ли вальяку краснозолоту.* (Еремина и др. 2001: 296)

В некоторых случаях физическая мощь богатыря и изображение его богатства совмещаются в одном тексте.

В сюжете «Илья Муромец и разбойники» герой демонстрирует необыкновенную мощь (разбивает в щепки дуб) и хвастается своей одеждой. Это говорит о том, что «экономический топос» — общее место — стал в героическом эпосе эквивалентом изображения физической силы и знаком героического:

*А-й сапошки на ношка[x] да семи шолкѡв
Да семи-то шелков да семí рублѡв;
Да ище есь у меня старого доброй конь;
Да у той-ли у доброй лошади
Да есь черкасско⁷ седѣльшко неседьлано,
Да есь заморьская узда да необуздана.* (Григорьев 2002: 119)

⁶ *Вальячные* — литые, чеканные пуговицы.

⁷ *Черкасское седло* — черкесское седло высокого качества.

«Закладу они за князя кладут на сто тысячей»:
социально-экономические отношения
былинного мира

Былинные деньги оформляют отношения между правителем и героем, героем и социальными низами (нищими, каликами, привратниками) через понятия «дань», «награда за службу», «угощенье», «взятка», «подавание». Так, князь *накидывает службу богатырю* — посылает его привезти дань от иноземного правителя (сюжет «Дунай Иванович»), иноземный герой-купец дарит подарки князю («Соловей Будимирович»), князь дарит подарки герою за службу (сюжеты с Ильей Муромцем), герой платит своей дружине за службу («Вольга Всеславьевич», «Василий Буслаевич»), герой ставит заклад в споре с князем, другим героем («Иван Гостиный сын», «Дюк и Чурила»); нищие угощают героя вином, сбросившись по копейке («Илья Муромец и голи кабацкие»), герой, вернувшись домой неузнанным, приплачивает привратникам, чтобы его допустили на свадебный пир к своей жене («Добрыня Никитич и Алеша Попович»); нищие странники просят милостыню («Сорок калик со каликою»).

Большие деньги — сотни и тысячи рублей — используются былиной для описания споров и *закладов* (пари), подарков правителю/правителю; в конфликтных ситуациях, когда выстраиваются отношения между героем и князем:

*Вот они и закладываются,
Не об сте рублей, не об тысячи,
А просто об своей буйной головы.* (Киреевский 1862: 2)

Закладу они за князя кладут на сто тысячей. (Там же: 5)

*И все за Тугарина поруки держат⁸:
Князи кладут по сту рублей,
Бояра — по пятидесят,
Крестьяна — по пяти рублей.* (Данилов 1977: 104)

⁸ *Держать поруки* — становиться на сторону человека.

Мелкие денежные единицы употребляются при описании взаимоотношений *героя и социальных низов*. Илья Муромец под видом нищего приходит в Киев, заходит в кабак и приказывает подать ему вина, предлагая в заклад свой нательный золотой крест. Когда целовальники⁹ отказывают ему, Илья обращается к нищим, и те, сложившись по копеечке, угощают героя:

*Кабы сложились все голи¹⁰ да по копеечке,
Кабы везли, право, голи одну косушочку,
Опохмелили калику да добра молодца.* (Еремина и др. 2001: 109)

И в первом случае, и во втором речь идет не о какой-то конкретной сумме — все это обозначения денег в системе «много — мало».

Деньги превращаются в конкретную сумму, когда описывается взятка. Добрыня дает взятку привратникам, чтобы те пропустили его на свадебный пир:

*А внимал-де калика да золоту грьдыню
А подавал-де строгим нынче приворотничкам;
А пропустили тут калику да на широкой двор*
(Григорьев 2002: 192—193).

*Приворотничкам давал по денюжке,
А придверничкам давал по копеечке.* (Померанцева 1974: 301)

Ситуация, когда правитель/предводитель повышает свой престиж, распределяя захваченное имущество или товары между членами сообщества, — редистрибуция средств — характерна для вожеств (Крадин 2004: 168—169). При этом власть лидеров в вожествах в реальности ограничена отсутствием социального института принуждения (в отличие от государств). Былинный Владимир Красное Солнышко постоянно демонстрируя свое богатство и готовность вознаградить членов сообщества, явля-

⁹ *Целовальники* — люди, содержащие кабак.

¹⁰ *Голи кабацкие* — нищие, которые сидят в кабаке.

ясь то в чертах могущественного единоподержавного деспота, то в чертах сломленного, приниженного, испуганного просителя, то в виде жадного и жестокого корыстолюбца, то в виде щедрого и бесконечно радушного гостеприимца (Скафтымов 1924: 113). Лидер вождества обязан быть щедрым и постоянно готовым вознаградить свою дружину, а дружинники для поддержания престижа должны всегда демонстрировать наличие богатства и готовность с ним расстаться. Это представление, характерное для сложного вождества, сохраняется в былине.

Торговые термины

В былине можно найти частичное отражение купеческих реалий, зафиксированных в письменных документах и артефактах (см. например, статью: (Перхавко 2007: 28–38)). В былинных *locus communis* — пир у князя Владимира или пир-братчина в Новгороде — часто упоминаются различные сословные категории населения: *Вы все-де купцы-гости торговья, / Вы все-де кресьянушка прожитосьны* (Горелов, Путилов 2004: 134); *Гой еси вы, гости-корабельщики / И все целовальники любимые* — так обращается купец Соловей Будимирович к своей дружине (Былины 1938: 345). Термины *гости-корабельщики* и *торговые гости*, часто встречаемые в былинах, использовались до 1728 года, когда прекратилось существование купеческих корпораций, состоящих из старинных гостей и членов Гостиной сотни (Перхавко 2007: 30).

С торговыми людьми связан и ассортимент товаров, привозимых на Русь из стран Западной Европы и Востока: *пушнина, черные соболи, слоновая кость, дорог рыбий зуб*¹¹, *хрущата*¹² и *белохрущата камка* (Ржига 1923: 75–83); *зелен сафьян* и, конечно, *вина заморские да заборчивые*. мех, кость, вино — ценности эпического мира, которые подчеркивают престижный статус как своих, так и иноземных персонажей. В Индейском царстве, куда ведет свою дружину Волх Всеславьевич, *стоит подворотня—дорог*

¹¹ *Рыбий зуб* — моржовая кость.

¹² *Хрущата камка* — шелковая ткань.

*рыбий зуб*¹³ (Селиванов 1988: 32); иноземный купец Соловей Будимирович подносит подарки киевскому князю Владимиру и королевне: *Дарил ему он лисиц пару <...>. А королевны он дарил да хрущатой камки* (Еремина и др. 2001: 10).

Провоз товаров (уплата различных пошлин) и отвоз податей также находят отражение в русском эпосе. Когда корабли Глеба Володьевича пришвартовываются у Корсуни, с них берет дань правящая там Маринка Кайдаловна: *А за карабли брала с их дани-пошлины, / За карабли брала дани-пошлины да сорок тысящей* (Астахова и др. 1961: 352). Князь Владимир «накидывает службу» на богатырей: *Кабы съездить во ту землю во неверную, / Как свезти королю да нынче пошлину* (Еремина и др. 2001: 8); разрешает торговать на Киевской земле купцу Соловью Будимировичу: *Ты торгуй-ко моей земли без пошлины* (Там же: 189).

Купеческая терминология, наименования дорогих товаров, упоминания о пошлинах показывают установку русской былины на реалистичное отображение средневекового фона с его разветвленной торговой сетью (дорогие товары из других стран, пошлины при ввозе и вывозе товара по суше и по морю).

Денежные сюжеты русского эпоса

Восприятие эпосом товарно-денежных отношений русского Средневековья, конечно, не доказывает сложение всех сюжетов былин в эту эпоху¹⁴, однако может служить косвенным доказательством позднего происхождения отдельных сюжетов, осо-

¹³ *Подворотня—дорог рыбий зуб* — подворотня из кости с прорезным орнаментом.

¹⁴ «Само по себе упоминание денег в фольклоре не кажется слишком удивительным, коль скоро подавляющее количество фольклорных текстов — в том виде, в котором мы ими фактически располагаем, — записано не ранее XVIII—XIX века, когда о деньгах можно было уже говорить как о неотъемлемом атрибуте государственности» (Богданов 2013: 273).

бенно в том случае, когда *деньги* и *богатство* оказываются четкими маркерами определенных сюжетных структур.

Первая сюжетная схема, которая непосредственно связана с денежными отношениями, включает три типа:

«Вольга»: Герой получает города в наследство от дяди.

«Садко и морской царь»: Герой получает богатство по совету морского царя.

«Садко»: Герой получает богатство от чудесного персонажа — Волги-реки, Ильмень-озера, царицы-Белорыбицы, водяного (Петров 2008: 245—254).

В былинах о Садко, о Вольге Всеславьевиче и Василии Буславиче герой получает богатство с помощью чудесного персонажа или титулованного родственника (морского царя, нищего странника, богатого дяди) и выезжает из дома / совершает подвиг.

Получение богатства чаще всего включается в сложный сюжет как эпизод, мотивирующий основное действие (центральную акцию героя): Вольга, унаследовав от дяди города¹⁵, идет получать дань и встречается с пахарем Микулой¹⁶. В сюжете, связанном со сказочной логикой (былина о Садко, в которой бедный гуслиар получает богатство по указанию морского царя) наблюдается соединение сюжетных схем *получение богатства с соперничеством* — герой спорит с новгородцами, что сможет поймать *рыбу золото перье*¹⁷, и выигрывает спор.

Вторая сюжетная схема, где деньги являются предметом соперничества персонажей, характерна для следующих былин:

¹⁵ Ср.: *...пожаловал Иванушку уделом три города, / Которые были городы, сударь, славные. / Там в их жили люди упрямые, / Да никому-де они не были покорные, / Никому не давали ни дани, ни пошлины* (Гильфердинг 1949: 343).

¹⁶ Что интересно, в большей части случаев после сюжетов, где герой получает богатство, следуют сюжеты, связанные с соперничеством героев из-за денег.

¹⁷ *Рыба золото перье* — рыба с золотыми перьями (чешуей).

«Чурила и Дюк»: Состязание: чья одежда богаче?

«Дюк Степанович»: Состязание: кто богаче, герой или князь?

«Садко и новгородцы»: Герой соперничает с городом в богатстве (Петров 2008: 323, 330—335).

Это свойственно поздним по происхождению новгородским былинам, где организующим центром событийного ряда (в отсутствие князя) становится либо сам город — торговый Новгород, либо его представители — новгородцы. Так появляются сюжеты типа «конфликт героя и города», «соперничество героя и города»¹⁸.

Купец Садко, распалившись на пиру, спорит с Новгородом, решая вопрос, кто богаче:

*А сколько угодно у мня фатит¹⁹ заложить бессчётной золотой
казны.*

А й говоря настоятели наместо новгородские:

— Ай же ты Садке да новгородский!

А хошь ударь с намы ты о тридцати о тысячах.

А ударил Садке о тридцати да ведь о тысячах.

(Гильфердинг 1949: 648)

В том варианте развития сюжета, где деньги являются предметом соперничества персонажа и города, в финальном эпизоде герой должен был бы торжествовать над городом (ср. это с эпизодом из другой сюжетной схемы — *герой торжествует*

¹⁸ Садко спорит с новгородцами (новгородскими воеводами / попом), что выкупит все городские товары. См. осложненный мотивами «герой получает богатство от чудесного персонажа», «герой находит клад с помощью чудесного помощника» текст, где представлена редкая для русского эпоса ситуация, когда герой находит клад по указанию чудесного персонажа — святого Николая: *Ты бери-ко своих да слуг верных, / Ты поди-ко-се ты да фсе во кузници, / Уш ты куй-ко-се ишту-ты да фсе жалезныя, / Уш ты иштунай-коклады подземельния!* (Григорьев 2002: 196)

¹⁹ *Фатит* — хватит.

над князем: например, Садко выкупает даже *черепки битых горшков*). Однако приурочивание сюжета к Новгороду вносит коррективы в возможную логику финала: *как ни богат Садко, а Новгород богаче*. Такой финал сюжета мотивирует отправку героя в море на нагруженном товарами корабле или бегство героя на корабле от позорного проигрыша пари и, соответственно, становится мотивом-связкой с другим сюжетом: потерпев неудачу, герой едет торговать за море, попадает к морскому царю, с помощью Николая Чудотворца — святого, покровительствующего морякам и купцам, — спасается и попадает домой:

*А й как тут воротил он в Золоту орду,
А й как там продавал он товары да ведь новгородские,
А й получал он барыши топерь великие,
А й как насытал он бочки ведь сороковки-ты
А й как красного золота;
А й как насытал он много бочек да чистаго серебра,
А еще насытал он много бочек мелкаго он крупнаго скатняго
жемчугу.*

(Там же 1949: 648–649)

Озолоченный Садко и неподкупный Илья Муромец

В отдельных былинных сюжетах отчетливо видна граница контактной зоны былины и сказки (о сказочном богатстве см. статьи (Фрухтманн 2013, Богданов 2013)). Но, пожалуй, только в единственном случае былина включает в себя не только сказочные элементы, но и мотивы мифологических рассказов, связанные с добыванием денег. Бедный гуслир Садко становится купцом только тогда, когда получает богатство от чудесного персонажа (Данилов 1977: № 28; Гильфердинг 1949: № 2, 70; Марков 2002: № 94), что находит последовательную реализацию в таких мотивах, как: «рыба, пойманная героем, превращается в деньги», «герой жертвует деньги на храмы», «морской царь / царица Белорыбица жалует герою богатство за искусную игру на гуслиях».

Получение богатства от мифологического персонажа в былине напрямую связано с кругом представлений, характерных для мифологических рассказов о получении богатства от нечистой силы, об этом см. (Мороз, Петров 2013): причина обогащения героя — посредничество между водяной девкой и ее братом, кормление воды хлебом-солью (Смирнов, Смолицкий 1978: № 30, 31).

В этом сюжете любая определенность в денежной сумме, характерная в целом для русского эпоса, исчезает: богатство становится мифологическим. При упоминании дани, которую Садко должен заплатить морскому царю, былина использует неопределенное обозначение богатства — бочки с золотом:

*А й как тут дружина да хоробрая
А й как брали бочку сороковку красного золота,
А й мѣтали бочку в синѣ морѣ.* (Гильфердинг 1949: 648)

В другом сюжете, в котором богатство принадлежит потусторонним силам, физический контакт с деньгами может оказаться опасным для персонажа, а получение денег ведет к смерти или окаменению героя — «Илья Муромец и три дорожки»²⁰.

Надо отметить, что в былинных сюжетах, где герои спасают отечество от врагов, «бессребреничество» богатырей является доминантной чертой, своего рода лейтмотивом: герои с отращением отказываются от денег, от награды за службу. Примером такого богатыря является Илья Муромец: он беззаветно предан родине, неподкупен, у него отсутствуют какие-либо корыстные побуждения.

Дети Соловья-Разбойника безуспешно пытаются выкупить у Ильи своего отца *золотой казной*; предложение Калина-царя перейти к нему на службу — есть его *ествишку сахарную*, держать золотую казну *по надобью* — герой отвергает, а найденный денежный клад и отнятые у разбойников богатства Илья отдаст князю Владимиру или раздает монастырям, вдовам и сиротам (Астахова 1958: 107–108, 398).

²⁰ См. мотивы по указателю S. Thompson № 122.0.1 — «выбор пути» (Thompson 1955–1958).

Справедливости ради надо отметить, что идея заработка героем денег при совершении подвигов иногда встречается в русском эпосе, но эти случаи редки и, вероятно, являются привнесением сказителями в текст личных предпочтений:

*Как принимал Ильюшенка, взимал к себе,
Высыпал-то в карман злато-серебро,
Тот ли-то этот скачный жемчужок,
Благодарил-то он тут царя Костянтина Боголюбова:
Это ведь мое-то зарбочее.* (Там же: 160)

Отметим, что богатыри берут деньги от князя Владимира, когда денежные отношения являются частью системы *дар-отдарок* (Mauss 1989), однако отношение к заработку/богатству становится негативным, когда героям предлагают перейти на постоянную оплату.

Отдельно следует рассмотреть былинку «Илья Муромец и три дорожки». В большинстве вариантов герой находит на пересечении дорог камень с надписями: *А во первую ле дорожецьку — быть богатаму, / А во вторую е дорожку — быть женатаму, / А во третью дорожку — живому не быть* (Горелов, Путилов 2004: 70). Чаще всего Илья Муромец отвергает идею богатства и следует по пути воинской славы — едет в ту сторону, где убиту быть: *Говорит Илья Муромец таковы слова: / «На старость женитьца — чужа корысть, / А богатства мне не надобно: / Есть у меня золоты казны»* (Астахова и др. 1961: 81).

Однако в некоторых былинах герой последовательно едет в каждую сторону, исправляя после поездок надпись на камне. Последняя дорожка, где *богату быть*, приводит героя к богатству (иногда оно принадлежит колдунье (Данилов 1977: 192)), которое он раздает монастырям и нищим (Астахова 1958: 277). В других вариантах былин третья дорога, ведущая к богатству, оказывается для героя действительно последней: *Тутова стар и екаменел* (Киреевский 1860: 89). В этом случае физический контакт с деньгами оказывается для персонажа роковым, а нарушение богатырской этики и получение потустороннего богатства ведет к смерти эпического героя или его окаменению.

Награда или зарплата богатырю: заклучение

В былине существует система экономических отношений с разветвленной торговой сетью, с конкретными денежными суммами, понятиями, которая разительно отличается от экономики в сказке и мифологических рассказах. Богатство и деньги в эпосе не принадлежат потустороннему миру, но связываются с материальными изделиями, привезенными с чужбины; отсутствуют магические свойства, присущие деньгам в верованиях; денежные отношения складываются между своим и иноземным правителями, князем и героем, героем и другими персонажами (исключения представляют былины, которые заимствуют элементы сказочно-мифологических жанров: «Садко и морской царь», «Илья Муромец и три дорожки»). Такое положение дел показывает, во-первых, автономность этого жанра среди других жанровых систем русского фольклора и, во-вторых, установку былины на описание некоей квазиисторической реальности.

Степень героики былины такова, что богатство наряду с физической силой становится репрезентантом героизма. Наличие же героев-небогатырей (Садко, Дюк, Чурила, Соловей Будимирович) притягивает иную форму описания их исключительности — экономическую. По всей видимости, иноземное происхождение богатых героев русского эпоса (Дюк из Индеи, Соловей Будимирович из-за моря) является трансформацией мифологических представлений о принадлежности богатства потустороннему миру. Поскольку былина — это жанр, в котором существование актуальной мифологической системы невозможно, то данная модель трансформировалась в наиболее подходящую для былины схему: «чужое», принадлежащее потустороннему миру, становится «другим чужим» — иноземным.

Сюжеты, которые строятся на репрезентативном соперничестве в богатстве («Садко и новгородцы», «Спор Василия Буслаева с Новгородом», «Дюк и Чурила», «Дюк Степанович» и т. д.), по всей видимости, более позднего происхождения: описание физической силы персонажа как средства выделения героя заменяется на более актуальный экономический топос.

Героический мир русской былины и мелкие торговые отношения несовместимы: идеалы героического прошлого не позволяют богатырям, защищающим родину, брать выкуп за врага, изменять за деньги интересам родины и т. п. Подвиг героя противопоставлен «мелочному» торговому миру. Брать деньги за подвиг является невозможным действием для богатыря, однако получение вознаграждения от князя — в порядке вещей. Знаковая система денежных отношений, реализованная в русском эпосе, похожа на политико-экономические отношения, характерные для сложного вожества с перераспределением благ от социально значимого лица (князя) к его подданным (героям) и зависимым от них лицам (дружина). Какие-либо выводы из этого положения делать довольно сложно (если не спекулировать положением о времени создания русского эпоса), однако показательной оказывается модальность отношений к правителю — киевскому князю Владимиру: в былинах это довольно неустойчивая фигура, чей авторитет и право на власть подвергаются сомнениям.

Благодарности

Исследование было проведено при поддержке Программы стратегического развития Российского государственного гуманитарного университета «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы.